

Двуглавые орлы на шатрах воротных башен в Москве в конце XVI века

Мы привыкли видеть на дореволюционных изображениях кремлевских башен двуглавых орлов. Орлы венчали и шпиль многих других зданий в Москве и в ее окрестностях. В распространении таких завершений мы видим вполне определенную эволюцию, постепенное распространение этого приема с конца XVI в. до 1740-х гг. Мы хотим рассмотреть первый, на наш взгляд, этап «маркирования» орлами на шпилях башен определенных объектов в царствование Федора Иоанновича.

Обзор ситуации для других выделяемых нами этапов: строительство дворцов Михаила Федоровича и Алексея Михайловича (Теремной дворец и Гербовая башня, Коломенское, Измайлово) в 1660—1670-х гг.; возведение общественных сооружений при Федоре Алексеевиче, Софье и Петре (Воскресенские ворота, Сухарева башня, Хамовный двор, Большой Каменный мост (?), Аптекарский приказ) в 1680-х — конце 1690-х гг.; триумфальные ворота Петра I в 1709 г.; Тайнинский дворец и устройство завершения кремлевских проездных башен во второй половине XVIII в., — является предметом отдельных изысканий и не рассматриваются здесь.

Наиболее раннее упоминание о двуглавых орлах как завершении шпиля, мы находим в описании зданий на Опричном дворе Ивана Грозного, построенном в 1565—1567 гг. На главных воротах орел был сделан, по-видимому, на стене или над стеной: «Северные ворота находились против Кремля и были окованы железными полосами и покрыты оловом... На них было два резных разрисованных льва, вместо глаз у них были пристроены зеркала. Один (лев) стоял с раскрытой пастью и смотрел к земщине, другой, такой же, смотрел во двор. Между двумя львами стоял двуглавый черный деревянный орел с распростертыми крыльями и

грудью в сторону земщины...», но на территории двора «...были построены три мощных постройки, и на каждой наверху на шпилье стоял двуглавый орел, с грудью обращенной к земщине...» (Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. «Записки немца опричника» // *Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582)*. Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Рязань, 2005. С. 481).

Первое достоверное изображение орла мы находим в графоре «Кремленаград» (около 1600 г.). На шатрике над колоколом Спасской башни, здесь показан двуглавый орел с опущенными вниз крыльями и без короны (отсутствие короны, конечно, может быть объяснено схематичностью рисунка). Такая форма соответствует иконографии двуглавого орла в XVI в. Когда эта фигура была устроена, установить не представляется возможным. Нам кажется, что, скорее всего, ее установку следует относить ко времени первой половины царствования Ивана Грозного.

После перестройки завершения башни в 1623–1626 гг. орел приобрел другую форму, с распростертыми крыльями, скипетром и державой в лапах, хорошо известную нам по многочисленным изображениям Спасской башни XVII в. (Олеарий, Мейерберг, виды на иконах). Можно думать, что старый орел в это время был заменен и его форма была «исправлена» на новую, более актуальную.

Ряд планов Москвы («Петров чертеж» около 1600 (?) г., Мерiana 1638 г., план Меерберга 1661 г.) показывает нам Тверские ворота Белого города, завершенные фигурой двуглавого орла, причем, если на более раннем плане орел показан с опущенными крыльями, то на последующих изображения крылья подняты, а в его лапах — скипетр и держава. Тверские ворота, видимо, были выстроены первыми в процессе строительства Белого города в 1588–1590 (1593) гг. (Косточкин В.В. Государев мастер Фёдор Конь. М., 1964. С. 47–48). Можно предположить, что такая замена могла произойти после 1634 г. Территория вокруг башни в пожаре 10 апреля 1629 г., судя по всему, не пострадала (Троицкий В.И. Из истории Москвы (Опись г. Москвы после пожара 10 апреля 1629 г.) // Красный архив. 1940. № 4 (101). С. 205), хотя церковь Николая Чудотворца, «что в Гнездниках», стоявшая недалеко, сгорела. Скорее всего, Тверские ворота могли сгореть в страшный пожар 1634 г. следы которого видел А. Олеарий (Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М., 1996. С. 53.), указавший, что сгорело 5000 домов и описавший бедственное положение жителей. Олеарий ехал из Новгорода, т. е. въезжал через Тверские ворота, и описывал состояние застройки вдоль Тверской улицы. Достоверно известно, что в этот пожар сгорело Шведское подворье (1635 г. марта 22. Из челобитной шведского резидента П. Крузбьорна царю Михаилу Федоровичу о строительстве шведского гостиного двора в Москве вместо сгоревшего в 1634 г. // Русско-шведские экономические отношения в

XVII веке. М.-Л., 1960. № 62. С. 99–100.), находившееся в современном Шведском тупике, т. е. совсем рядом с Тверскими воротами.

Как и в случае со Спасской башней, здесь можно думать, что изменение рисунка фигуры орла было вызвано изменением «геральдической моды».

Легко заметить, что орлы на воротах были помещены в начале и конце движения послов, схавших из Новгорода, т. е. приезжавших из Европы через Ливонию (в том числе шведскую). Думаем, что это было сделано специально, чтобы «оформить» посольский путь соответствующей государственной символикой. Прямую аналогию мы видим здесь с оформлением посольского маршрута в Кремле полными титульными надписями на разных зданиях (*Петров Д.А.* Титульные надписи в Московском Кремле // Вопросы эпиграфики. Вып. IX. М., 2016 (в печати)). Отсутствие геральдических фигур на шатре соответствующей воротной башни «Скородома», а потом и «Земляного города», вероятно, следует объяснять меньшей «престижностью» этих сооружений.

Интересно, что в самом Новгороде, несмотря на то, что изменение архитектуры главных ворот Новгорода – Пречистенских ворот Детини в XV–XVII вв., по-видимому, следовало за изменением архитектуры Спасской башни Московского Кремля (*Петров Д.А.* Об архитектуре Пречистенской башни конца XV века по описям XVII века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат.-лы науч. конф. Великий Новгород, 28–30 января 2014 г. Вып. 28. Великий Новгород, 2014. С. 230–234), орлы появились только в 1697 г., да и то в виде «прорезных» фигур на прапоре: «..И те каменные четыре шагры меньшие опаены белым железом, поставлены на тех шатрах на железных вертлугах яблока, опаены белым железом, а на тех яблоках поставлены прапоры с орлами прорезными» (1697 г. Роспись ремонта Пречистенской башни // Новгород Великий в XVII в. Документы по истории градостроительства / Отв. ред. В.Л. Янин. Ч. 2. М., 1986. № 50. С. 257).

В рассматриваемом вопросе невозможно не упомянуть еще об одном памятнике, который, как нам кажется, имеет прямое отношение к теме оформления движения иностранных посольств к Москве. Мы не видим никаких геральдических «акцентов» для пути послов из Польши и Империи, которые ехали через Смоленск.

В 1603 г. истекал срок Ям-Запольского перемирия, которым закончилась Ливонская война с Польшей. Московское правительство в 1595–1600 (1601) гг. выстроило в Смоленске вместо старой деревянной крепости 1554 г. огромную каменную крепость. Крепость была построена сразу же после устройства Белого города в столице и тем же мастером – Фёдором Конем (*Косточкин В.В.* Указ. соч. С. 71–81, 95–98). Ее главная воротная башня, Фроловская (по композиции повторявшая Фроловскую башню Московского Кремля), стояла на берегу Днепра, у моста, к которому подходила дорога в Москву. Фроловская башня в Смоленске, по сути, была

«визитной карточкой» Русского государства. На иконе 1722 г. «Меркурий и Авраамий Смоленские» (Государственный художественный музей, Минск) на верху башни показан двуглавый орел с распростертыми крыльями, короной над головами, державой и скипетром в лапах.

По нашему мнению, учитывая форму орла, есть основания считать, что этот орел был установлен после 1654 г., так как с 1609 по 1654 годы Смоленск был частью Речи Посполитой. Был ли герб Московского царства устроен на шатре Фроловской башни при Федоре Иоанновиче, не совсем понятно. Если на гравюре «Осада королем Владиславом IV московского войска, осаждающего Смоленск» (В. Блау, С. Саверия, А. Бойя, 1634 г.) и на «Сигизмундовой медали» 1613 г., кажется, видно изображение орла, то на другой гравюре (В. Гондиус, 1634 г.) орла не показано. Мы склоняемся к возможности устройства фигуры двуглавого орла на шатре Фроловской башни Смоленска в 1600 г. по аналогии с Тверскими воротами Белого города Москвы.

Представляется, что установка на шатрах воротных башен фигур двуглавых орлов на пути следования посольских процессий была целенаправленным и продуманным действием московских властей для усиления «репрезентативной пропаганды».